

Святые непротивленцы Борис и Глеб стоят во главе небесного воинства, которое охраняет Русь. В видении они явились Александру Невскому перед битвой с обещанием помочь ему. В этом нет противоречия. Потому как одно дело за себя воевать, умножать грех, горе и скорби. Это был бы ответ злом на зло. Совершенно другое дело – стоять за Отчизну, государство, за народ. Здесь даже чернец может прервать свой молитвенный подвиг и взять в руки оружие.

До рассвета индивидуализма и осознания того, что человек настолько уникalen, что никому ничего не должен, мировоззрение людей было структурировано, в том числе, противопоставлением «часть – целое». С ней была связана другая мировоззренческая оппозиция: «брань, война – мир».

Здесь все просто: состояние части – греховное. Часть стремится к преодолению своей греховности, оторванности и соединению с целым, через которое она приближается к Богу. Сейчас крайне сложно многим объяснить, что состояние части – даже не бессмысленно, пустотно, оно порочно, гибельно.

Воинское сражение – битва за целое, за сохранение единства. Проигрыш в битве – наказание за прегрешения, за рознь. Все помнили битву на Калке.

Война начинается с Божьего попущения, ее причина – грехи человеческие и дьявольские козни (например, эта формула приводится в «Сказании о Мамаевом побоище»). Дьявол «радуется злому убийству,

и кровопролитью, подвигая свары и зависти, братоненавиденье, клеветы» – говорится в «Слове о нашествии иноплеменных» из «Повести временных лет». Согрешившие земли Бог казнит смертью, голодом, либо «наведением поганых».

Поэтому битва – святое дело, она аналогична брань православного подвижника. Это избавление от греховного состояния, ратоборство с грехами и искушениями. Недаром популярен сюжет отправки воинов-монахов Сергием Радонежским на Куликово поле. Суворов вел практический монашеский образ жизни, а некоторые полководцы от Александра Невского, Дмитрия Донского до Федора Ушакова были канонизированы. Восприятие многих героев Великой Отечественной войны, которая была названа «священной», придало многим из них черты святости.

Все они вели брань еще и в мистическом измерении, где шла битва добра и зла. В своей книге «Взвод» Захар Прилепин приводит эпизод, где казак говорит Денису Давыдову: «стражение Рылееве святое дело, ругаться в нём – всё то же, что в церкви: Бог накажет!» Параллель с церковью очень важна. Это не фигура речи, не условность, и именно живое традиционное мировосприятие. Воин, как и молитвенник, совершает движение внутрь храма от сцен Страшного суда в притворе до алтаря. Не случайно победа сравнивается с алтарем и есть выражение «алтарь победы».

Победа достигается благодаря тому, что Бог помиловал и не отдал в руки врага, а воинская общность не поддалась соблазнам разъединения, сохранила строй, общность, не покинула поле боя. Проигрыш происходит в силу распри, раздора. Как раз такая «распрая великая» описывается в «Повести о нашествии Тохтамыша». При приближении вражьего войска в Москве произошло «замешательство великое и сильное волнение. Были люди в смятении, подобно овцам, не имеющим пастуха, горожане пришли в волнение и неистовствовали, словно пьяные».

Нашествие врага попускается за грехи. Это испытание крепости. Раздор в этом испытании умножает грех, целое разбивается в осколки частей, тогда «роду христианскому» выпадают беды.

Те же святые страстотерпцы Борис и Глеб показали образец стойкости, провели победно свою брань с искушениями умножения розни, с дьявольскими кознями братоненавистничества. Они, не обнажив меча, воспринимаются за прославленных полководцев, к которым обращена молитва автора сказания: «прибегаем к вам, и, припадая со слезами, молимся, да не окажемся мы под пятой вражеской, и рука нечестивых да не погубит нас», «избавьте нас от неприятельского меча и межусобных раздоров, и от всякой беды и нападения защитите нас, на вас уповающих».

Книжник – это практически агиограф, описывающий и восхваляющий святое дело и оплакивающий греховное. Автор «Задонщины» вспоминает Бояна, который «перебирая быстрыми своими перстами живые струны, пел русским князьям славы».

Отечественная литература вышла из церковной кафедры, первые книжники – духовные лица. Подвижник тот же воин, только сражающийся в духовной плоскости. Однако в случае необходимости его брань может быть переведена и на реальное поле битвы. Также и воины становились святыми. Первый из таких Лонгин Сотник, пронзивший копьем Христа на кресте.

В традиции древнерусской святости такие родоначальники отечественного монашества как Феодосий Печерский, Сергий Радонежский были близки и к власти и принимали участие в политической жизни,

потому как ратовали не только за небесное, но и за земное Отечество. Можно вспомнить и грозного и бескомпромиссного Иосифа Волоцкого, социальный, патриотический аспект его деятельности. Своей установкой не столько только личного спасения, а единственной защиты общности, Церкви, государства, он взял верх над приматом аскетической уединенности заволжских старцев.

Триада: духовное лицо, воин, книжник является структурообразующей для русской культуры как вера, победа и просвещение. Например, об этом говорит и Сергей Шаргунов в своей биографии Валентина Катаева. В родословной своего героя Шаргунов отмечает типично русское сочетание: священство по отцовской линии и воинство по материнской. В книге приводится воспоминание Валентина Катаева о том, что в детстве он с двоюродным братом «надевали на шею кресты предков, воображая себя героями священниками, идущими в бой вместе со славным русским воинством». Очень важное ощущение того, что священник и воин – это, по сути, одно.

Последователь Бояна из «Задонщины» прославляет битву беспощадную, сечь, наводящую на врага «тоску». Призывая князей на битву, князь Дмитрий Иванович говорит: «Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!» Обещание это он свое выполняет и в finale представляется страшная и горестная картина: «лежат трупы христианские словно сенные стога у Дона великого на берегу, а Дон-река три дня кровью текла».

Согласитесь, это ведь не пропаганда жестокости и «войнобесия», а нечто другое. Изображение многотрудного и страшного дела, подвига. Книжник ощущает себя одновременно воином и подвижником, ведущим непримиримую и жесточайшую брань не только с реальным врагом, но и с метафизическим инфернальным. В Древней Руси автор, как правило, был имперсональным, анонимным. Он пел общность, полк. Текущее событие вписывал в строй вечности истории, где Бог с сатаной борется.

Такова традиция. И об этой очевидной традиции Захар Прилепин напомнил, говоря о блестящих представителях русского Золотого века в своей книге «Взвод».

Так уж получилось, что в нашем восприятии традиции воинства, подвижничества были отделены от литературы, которой навязали клише «гуманистического пафоса». Поэтому мало кто знает, например, об армейской службе Гавриила Державина, о которой даже Ходасевич в своей знаменитой биографии лишь бегло обмолвился. Неведомы и ратные дела Петра Чаадаева, которого воспринимают лишь за обличителя вековой российской отсталости.

Или взять, к примеру, русского философа и энциклопедически образованного человека Алексея Хомякова. У него с героями книги Прилепина общая судьба (разговор о нем будет вестись во втором томе прилепинского «Взвода»). Типичная, традиционная. В 17 лет Хомяков сбежал из дома, чтобы освобождать Грецию. Тогда Россия на самом деле себя мыслила оплотом православного и славянского мира. Этим ощущением многие были пропитаны с детства. Отсюда и хомяковское переживание России как центра.

Потом было физико-математическое отделение Московского университета. Военная служба в кавалерийском полку, где он также проявил себя с положительной стороны и выказал свои спартанские качества. Через несколько лет уходит в отставку, ездит по европейским странам. В 21 год пишет трагедию «Ермак». В ней разбойник,

покоривший для России Сибирь, словами «Теперь я русский снова!» преодолевает соблазн стать её царём. А ведь выбор не просто тщеславный искус, выбирать приходится между царским венцом Сибири и смертью. Как ни странно, Ермак Тимофеевич не выстраивает себе моральное алиби, рассуждая о том, что в Москве сидит царь Иоанн, который вполне может предать его лютой смерти, соответственно, ему всё дозволено. Ермак у Хомякова говорит: «И я за то России должен мстить, / Что небо ей послало Иоанна?» Этот вопрос и выбор хомяковского Ермака крайне актуален и сейчас. Так получилось, что многие хватаются за алиби: в Москве – неправедная власть. Это развязывает руки и даёт право мстить России, при том, что вопрос о выборе между жизнью и смертью не стоит, не то, что у Ермака. Эта тема для страны давняя. Между тем, за спиной хомяковского «Ермака» стоят все те же святые братья Борис и Глеб.

Человек, написавший такую трагедию, по логике вещей должен отправиться на войну. Хомяков идёт на русско-турецкую, где показывает свою удачу в гусарском полку.

Наверное, причин тому, что произошло расщепление и выделение литератора из триады, масса. Есть вина идеологической предзданности советского литературоведения, которое не заостряло внимания на подвигах царизма. Традиционно это было не свойственно и для прогрессивной общественности. Возможно, причина и в том, что войн в 19 веке было столько, что воевать для мужчины – обычное дело, как в наши дни всеобщая воинская повинность. Что о них писать – слишком обыденно...

В качестве причин того, что тема воинской службы, служения Отечеству постепенно оттеснена на периферию как низкий штиль, Прилепин выделяет декаданс Серебряного века, напускной пафос и перья шестидесятников: «Это же дети Серебряного века – кто-то придумал уже тогда, что преклоняться перед империей и воспевать Отечество, тем более его военные победы, – моветон; на впавших в “патриотический раж” тогда смотрели в лорнет, свысока...»

Сейчас в качестве аксиомы представляют логику: воевать – это плохо, поэтому тот же Ленинград можно было бы и сдать, чтобы избежать огромных жертв. Эту мысль и подобные периодически пробрасывают, чтобы общество к ним привыкало. Если попытаться утверждать иное, то это будет спекуляцией и пропагандой, потасовкой фактов. Так и автору «Взвода» сразу кинули в лицо, будто книгой он оправдывает свою донбасскую деятельность, да и вообще лучше не обсуждать весь этот вздор, а проверить его заявление о вступлении в армию ДНР на соответствие Уголовному кодексу...

«Упорные в своем невежестве люди», о которых писал герой прилепинской книги Денис Давыдов, настаивают на гуманистическом пафосе везде и во всем. Видимо, традиции написания школьных сочинений сильно запечатлелись у них в сознании. Традиции индивидуализма, разросшиеся со времен Серебряного века. Главная угроза для них – патриотизм, государственничество, отечественный культурный код, где индивидуализм безусловно греховное, калечное состояние.

Еще в сборнике «Не чужая смута» Захар Прилепин писал об афере, равносильной приватизации. Ее провернули с отечественной литературой и все перевернули с ног на голову: стали утверждать противоположное тому, о чем говорили классики, которые «в дни роковые последовательно принимали сторону своей дикой страны». Автор настаивает на том, что классика переформатирована и внушено ложное

представление о ней. С этой ложью он и попытался бороться в своей книге, причем довольно удачно и убедительно.

Прилепин неоднократно заявлял, что его «Взвод» – своеобразный ответ Николаю Сванидзе, который как-то заметил, что Захар слишком увлечен войной и что подобное было вовсе не в чести у русских писателей. Но как же очевидное, как же многочисленные примеры, биографии, как же тысячелетняя отечественная традиция? Все это можно игнорировать, все это должно перерядиться в наряды, которые бы удовлетворили Николая Сванидзе и прочих прогрессивно мыслящих людей?..

«На огромное число текстов классической русской литературы надо срочно писать ремейки, потому что в новом, прекрасном мире она выглядит ужасно со всем своим “милитаризмом”, “мракобесием” и “шовинизмом”» – писал Захар Прилепин в том же сборнике «Не чужая смута».

Там же он обличает современное поэтическое «безъяйцовое» поколение: «средний пол, печальные верлибрсты, тусня». Приводит совершенно другие примеры из Серебряного века: Блок, Гумилев, Павел Васильев, Маяковский. При этом отмечает, что «русский поэт не может быть просто хорошим парнем». Во «Взводе» раскрывает биографии одиннадцати поэтов Золотого века. Но так получилось, что сейчас, даже по сравнению с Серебряным веком, совершенно другой поэтический тренд с «комом жеваной бумаги» в горле. Единственный кто противостоит ему – Борис Рыжий, но и он безвременно ушел. Сейчас остались поэты с «проблемой заусенца».

Стал навязываться образ литератора, описанного в прилепинском рассказе «Карлсон».

«Лириком-людоедом» назвал героя рассказа Захара его приятель Алеша. Этот приятель пять лет писал свой роман под названием «Морж и плотник», в нем герой – альтер эго автора «страдал от глупости мира».

Алеша был далек от победительности. Отвечая на вопрос о Хемингуэе, он изрек: «Быстро устаешь от его героя, навязчиво сильного парня. Пивная стойка, боксерская стойка. Тигры, быки. Тигриные повадки, бычьи яйца...» В таком же стиле высказался и про Гайто Газданова, что его герой «озабоченный исключительно своим мужеством». Набокова он охарактеризовал: «Спортивным снобом, презирающим всех». По его мнению, с таким же презрением ко всем относится и Захар. При этом сам Алексей не навещал своего отца-инвалида. Вот и получается, что зацикленность на себе и презрение к людям, скорее черта человека, боящегося живой жизни и страдающего от его глупости и несправедливости. Алеша – мальчик из своей любимой сказки «Карлсон», пишущий бесконечный и изначально обреченный роман.

Зацикленность на себе и презрение к людям... Черта совершенно не свойственная и даже дикая в рамках традиционной отечественной культуры, о чувстве сопричастности с которой постоянно говорит Прилепин. К ее величию, а не к собранию «слезливых гуманистов, истериков и “общечеловеческих” невротиков», а также разномастных «кривляк».

Всем им, по словам Захар Прилепина, преподал урок еще Державин, который «мог ревностно, упрямо, последовательно служить не только Родине, но и государству, которые досужие мыслители новых времён так полюбили разделять (покажите место надреза! а то всё кажется, что пилият по живому телу), – и оставаться при этом великим поэтом».

В одном из интервью Захар Прилепин говорит, что «поэтами и писателями Золотого века были сумрачные ребята, которые в любой момент садились на лошадку, брали пику и ехали воевать куда угодно:

на восток и на запад, на север и на юг. Ехали, воевали, об этом писали, не видели никаких причин по этому поводу рефлексировать и каяться».

Все это не отменяет и своей личной позиции, собственного взгляда. Критичность не становится манией, не затмевает долга служения Родине: «ни ощущения Вяземского, связанные с “окровавленной” Россией, ни пушкинские послания “во глубине сибирских руд” никак не мешали им участвовать в милитаристских затеях государства».

Мы уже писали о позиции хомяковского Ермака, а вот что пишет Прилепин о Вяземском и Пушкине: «Как всё-таки близки в России совсем разнородные вещи! Поэты – известнейшие, наняталантливейшие – неистово сердятся на государство, что оно лишает их права воевать; ну, по крайней мере, служить при штабе. Тут же ломают себе щёпьё, в том числе в память о третьем поэте – умерщвлённом Рылееве, который, будь жив, тоже наверняка с ними захотел бы отправиться: он был неистовый патриот, как и большинство декабристов. Как всё это удивительно...»

Они чувствовали свой долг перед Отечеством, верой, русской цивилизацией. Таков был их инстинкт жизни, который естественным образом вписывался в тысячелетний строй отечественной культуры.

Культуры распахнутой общности, противостоящей любым энергиям распада, раздора, разъединения.

«Шла пехота народа, который веками мятежно гремел, добывая себе и другим свободу и не отрекаясь от нее ни на плахе, ни на костре. Шли проправнуки Степана Разина и Пугачева, шли потомки декабристов, шли братья Коммуны, шли люди, которые в огромной истории своей пережили и поражения, для того чтобы больше их не знать. Шел здоровый народ, народ-страстотерпец, народ-победитель, великий и гениальный» – это уже строки из произведения Всеволода Вишневского «Мы, русский народ». В них стиль и почерк древнерусских книжников, воинов и подвижников, их живое дыхание. Этот инстинкт всегда неизбывен, он характерен для книжников Древней Руси, писателей отечественного Золотого века, советского периода. Проявляется он и сейчас, о нем во всеуслышание заявляет Захар Прилепин.

В этой связи важен и вопрос героев. Сейчас в силу торжествующих буржуазных реалий обществу навязываются весьма сомнительные персонажи. Не будем тут трогать императора Николая Второго, но, к примеру, Колчак, Маннергейм или Мария Бочкирева, про которую был снят фильм «Батальон»... Зачем выстраивать исторические качели, когда есть всамделишные герои, которые, если хотите, могли бы объединить общество. Захар Прилепин о некоторых из них рассказал в первом томе своего исследования. Берите Дениса Давыдова, Чаадаева, Раевского, Бестужева-Марлинского. Вот о ком нужно писать книги, снимать фильмы, максимально пропагандировать их отношение к таким понятиям как долг, Отчизна. Для них огромная Россия становилась сконцентрированным «скученным селением», где живут ближние, родня.

Еще одно из важнейших посланий прилепинского «Взвода»: неверие власти в свой народ. Из-за этого и возникают многие проблемы и исторические катаклизмы. Необходимо понять и осознать аксиому: у России один союзник – ее народ.

«Равнение на солнце. Время оставить Бронзовый век и возвращаться в Золотой» – этими словами Прилепин завершает свою книгу и открывает неразрывную культурную связь отечественной цивилизации.